

Николай Соляник

**Как я был
«ОККУПАНТОМ»**

Солдатская повесть

Николай Соляник

Как я был «оккупантом».
Солдатская повесть

«Издательские решения»

Соляник Н. А.

Как я был «оккупантом». Солдатская повесть / Н. А. Соляник —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906366-3

Книга московского писателя Николая Соляника «Как я был „оккупантом“» во многом автобиографическая. Описываемые в ней события относятся ко времени дислокации на территории Восточной Германии (ГДР) советских воинских подразделений, в одном из которых автору и довелось служить. Армейский быт, смотры, учения, взаимоотношения с местными жителями, раздумья над воинским долгом: «Зачем мы здесь?»...

ISBN 978-5-44-906366-3

© Соляник Н. А.
© Издательские решения

Содержание

А ну их, этих камрадов!	6
Цвай хундэрт	9
Ягода черника	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Как я был «оккупантом» Солдатская повесть

Николай Ананьевич Соляник

© Николай Ананьевич Соляник, 2018

ISBN 978-5-4490-6366-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А ну их, этих камрадов!

Мы выезжали на учения или уезжали, уж не знаю, как точнее тут сказать. Естественно, подняли нас по тревоге. Суматошное это слово «Тревога!»: вскочить, одеться – гимнастерка, штаны-шаровары, сапоги.

Так и не понял за годы службы, почему солдатские штаны назывались шароварами? Потому что расширились к бедрам? Так и офицерские штаны – и ого! – как расширились, а называли их весьма благородно: галифе. А тут – шаровары. Обидно даже...

Вскочить, одеться – ладно. Это привычно. Это, уточню, когда дежурный по роте, отследившая на часах последние минуты могучего казарменного сна, резко, наотмашь стегает ладонью по выключателям и орёт, как резаный: «Рота, подъём!»

Но орать-то чего? Чтобы показать, какой ты несчастный: не доспал. Так на то она и армия: кому – спать, кому – бодрствовать. Или – чтобы насладиться своей властью: дескать, в считанные секунды поднял на ноги сотню человек. Ладно, уж сотню! «Старики» – те ещё долго будут кряхтеть и потягиваться, поругивая в сердцах и надоевшую казарму, и служак-командиров, и дурную чужую немецкую погоду.

Так что вскочить-одеться (вскочить со второго яруса) касалось молодых. Как, впрочем, и – драяние полов, мытьё кухонных бачков, стояние у тумбочки... Но не вечно же нам ходить в салагах. Придёт час, станем и мы «стариками», тогда и расслабимся.

– А потому, милоч, – напутствовали нас знающие, – попаши на первом годку! Потом и за тебя попашут...

«Тревога!» – это общий сбор, клич единения.

Суетное, в полутьме, топанье сапог у вешалок с шинелями, у пирамид с автоматами и противогазами, нетерпеливые выкрики командиров: «Отделение (первый взвод, второй, третий), строиться!». И – бегом, громыхая автоматами и подсумками с «рожками» для патронов, в автопарк.

Почему-то наш автопарк находился за пределами части в отличие от боксов, или, проще, гаражей первого батальона, непосредственно примыкавших к казармам.

– Потому, – объяснили мне, – что они, по оперативке, *первые*, мы – *вторые*.

– Понял.

Прибегаем. А из боксов, разбередив тишину и подсинивая дымком стылый ноябрьский рассвет, выползают тяжеленные ЗИЛы (каждый из них – радиостанция, аппаратная), следом – мелкота: «газики», «уазики».

– Как? – удивился я, – водилы уже здесь?

Опять-таки объяснили, что водителям по тревоге надлежит пулей вылетать из казармы, не дожидаясь каких-либо построений. Как, впрочем, и вестовым. Те также мигом разбежались по офицерским коттеджам, дабы сообщить их обитателям об объявленной тревоге. Мне это казалось более, чем странным: пока вестовой добегал до означенной квартиры, офицер уже мчался в автопарк, потому как, во-первых, ещё с вечера знал о времени её объявления (четыре утра), как и все в полку знали: тревога-то учебная, – во-вторых, тому же старлею (старшему лейтенанту), капитану, майору наверняка уже позвонил дежурный по части.

Но таков, оказывается, был порядок: в случае объявления тревоги на дом к офицеру должен прибыть вестовой. Расчет всё на тот же боевой вариант, когда и связи может не оказаться, и срочное пакет-донесение доставить потребуется.

Машины выстроились вдоль автопарка.

– Командиры рот, взводов, старшие машин – в голову колонны! – команда. Понятно, для инструктажа: уточнения маршрута, расчётного времени движения.

– Регулировщики, строиться!

Это уже и меня касается. Дело в том, что по маршруту следования колонны полагалось выставить регулировщиков – в населённых пунктах, на развилках дорог. Меня как молодого бойца в регулировщики (а чем ещё мог пригодиться?) и определили.

Выдали два флажка: красный – стоп, жёлтый – указание направления пути. Дали и фонарик. Опять же красный свет – стоп, зелёный с неоднократно повторяющимся движением руки – направление движения. И весь инструктаж.

Погрузили нас в «уазик» и разбросали по точкам. Я был где-то пятым или шестым: какой-то стылый городишко, крохотная площадь-брусчатка.

– Стой тут и жди! – приказал старшина. – Как увидишь головную машину, указывай флажком направо. Понял?

– Понял!

Пристраиваюсь рядом с полицейским, на всякий случай кивнув ему: *gutэн таг!* Он тоже вроде кивнул. А на площадь-пятачок, несмотря на ранний час (немцы – народ ранний), со всех пяти сторон один за другим устремляются «Трабанты», «Фольксвагены», разные-всякие грузовички.

«Ну, – думаю, – попал! Как же смогу остановить их, когда появится наша колонна?» По рассказам же «стариков» знал, что полицейские не очень-то помогают в такой ситуации, дескать, поставили тебя с флажками и калашом¹, вот и выкручивайся, как знаешь. Рассчитывать же на то, что при появлении колонны все эти трабанты-барабанты тут же замрут, и думать было нечего. Напротив, всяк будет норовить, опять же по рассказам «стариков», проскочить через «окошко» в колонне или вклиниться в неё. За такое и регулировщику, и водителю крепко доставалось.

«И поделом, – размышлял я. – Ни к чему, очень даже ни к чему в нашей колонне находиться какой-то чужой легковушке. А вдруг в ней... шпион?» Как рассказывал вчера на инструктаже замполит, едва та или иная наша, в смысле советская воинская часть выезжает на учения, на хвост ей тут же садится иностранная военная миссия: английская, французская, американская. Или – спецслужба. Что, наверное, одно и то же...

Пять, десять минут стою – колонны нет. А вокруг площади всё более заметное оживление: кто – на работу, кто с ранцем за спиной – в школу или что тут у них? Колледж? И всяк глазает в мою сторону. Вон пожилой немец вообще слез с велосипеда, чтобы лучше разглядеть меня. Впервые что ли видят здесь советского солдата? В новенькой серой шинели, со звёздочкой на шапке-ушанке и с сияющей бляхой на ремне (о, сколько на неё ушло асидола!).

«Ну, что ж, смотрите! – гордо выпячиваю грудь и ещё не совсем умелым движением поправляю за спиной калаш. – Да не бойтесь: он не заряжен».

Выкуриваю, наверное, уже десятую сигарету. Колонны всё нет. А ноги, чувствую, застывают. Чёртова немецкая промозглость! И тут – о, господи! – аж мороз по коже. А откуда она должна появиться, эта самая колонна? В смысле – на какой улице? Там, где синее *фризьер-салон* – парикмахерская (немецкий-то знал немного) или левее, где ярко-красное *лебенсмитель* – продовольственный магазин? Или, вообще — правее, где какая-то фура торчит? «Так, без паники, — успокаиваю себя. — Откуда бы ни появилась, появится».

А «Фольксвагены», «Трабанты» всё прут и прут. И всё так же улыбаются немочки на тротуарах. Незаметно (незаметно от кого?) машу им. Они тут же отзываются, о чём-то щебечут. Интересно, о чём? Полицейский, как мне показалось, неодобрительно покосился на меня. Ну и ладно! Я вон и тому камраду помашу: что-то уж загляделся на меня. Он тоже помахал мне и, прихрамывая, покатил велосипед по «зебре»...

Колонны всё нет. Когда же, наконец? И на какой улице? Там, где *фризьерсалон*, или — *лебенсмитель*?.. И, кстати (снова изморозь по спине), флажком-то куда указывать? Что

¹ Автомат Калашникова.

направо – понятно. Но направо расходятся две улицы. И тут вижу: прямо на меня, подпрыгивая, несётся командирский «уазик». Я, естественно, — во фрунт и лихо отмахиваю флажком. «Уазик», кивнув антеннами, делает лёгкий поворот и, не сбавляя скорости, несётся дальше. Следом за ним — тяжелые ЗИЛы, один, другой, третий...

Собственно, зачем их считать? Их есть, кому считать. Как опять-таки рассказывал замполит, вот так же шла наша колонна, не совсем наша, из другой части, и сидящая в телеге с отцом девочка у обочины дороги пересчитала все машины и даже успела записать их номера. С той девочкой, вернее, с её отцом потом разбирались. Так замполит рассказывал.

И ещё запугивал нас всякой всячиной, дабы понятно, усилить нашу бдительность. Говорил, что якобы западные спецслужбы пообещали гэдээровцам за каждый найденный в лесу или ещё где-либо конверт с указанием Полевой почты² – пять марок, а за конверт с письмом – десять марок. Что в лесу под деревьями могут оказаться бутылки с отравленным шнапсом и т. д. Наверное, всё это имело место... Пятый, шестой, десятый ЗИЛ. Кто-то из ребят машет мне: молодец, дескать, знай наших! А мне и самому приятно: ни одна легковушка сквозь колонну не прорвалась, в колонну не втиснулась. Стоят, как вкопанные. А которым уж совсем невтерпёж, вырулили на другую дорогу. Так-то!

А ЗИЛы всё идут да идут. Осталось дожидаться замыкающего колонну «уазика». Он-то и подберёт меня. Вкладываю флажки в футляр и... ещё издали вижу торчащий из кабины старшинский кулак. А уж мат-перемат! На всю Германию.

Короче, направил я колонну не туда. Не в ту степь, как говорится. Вернее, не в тот лес.

Что было потом? На гауптвахту меня не посадили (молодого да зелёного?), не разжаловали (рядового-то!), из армии не уволили (а я бы и не возражал). Отделался я тремя нарядами на кухню. И отработал их во время учений – в лесу, на свежем воздухе. Чем плохо?

Потом, когда уже сам стал «стариком», растолковывал молодым: поставили регулировщиком – не вертись, как вошь на гребешке. И вообще, ну их этих камрадов и белокурых немочек!..

А той вынужденной остановкой (что колонна пошла не туда, тут же обнаружили) не замедлили воспользоваться: чёрные номерные таблички на машинах поменяли на белые. Так, оказывается, полагалось на марше. Для конспирации. А спустя где-то час велели поменять их обратно. Всё это опять-таки казалось мне сущей формальностью: кому надо, запросто мог выследить колонну.

---

² Адреса советских воинских частей, дислоцировавшихся за рубежом, обозначались однозначно: Полевая почта, воинская часть №...

Цвай хундэрт

Тактичный всё же народ – наши патрули. Завидев солдата в самоволке (уж куда яснее: форма-то не парадно-выходная), никогда не подойдут к нему пока он общается с немцами или, того лучше – с немочками. Инструкция, видимо, у них такая была: при местных не борзеть. Будут топтаться, топтаться поодаль, махорить. Но стоит отдалиться от тех же немочек – всё, каюк.

Как-то под вечер мы с моим другом Толей Балацким, механиком-водителем, забрели в гаштет, кафе по-ихнему. Уже не помню названия городка: крохотный, так, селение. А забрели, ясное дело, из леса. Из того самого, где выше сосен взметнулись наши антенны, где с утра до ночи тарахтят движки наших радиостанций, где пахнет дымным чайком и где так сладко – о, господи! – дурманит дух свободы. Лес – это вам не портяночная казарма. Лес – это, братцы, свобода!

Понял я это: лес – свобода – только здесь, в армии, притом – в Германии. Лес – он такой же, как наш, подмосковный, разве что более хвойный. Ну, и понятно, поаккуратней, почище, построже. Даже излишне построже. До педантизма. Представьте себе, чуть ли не на каждой елке, сосне отметина: синяя, жёлтая, красная. На фига, спрашивается? Или те же глиняные горшочки на стволах. Опять-таки на фига?

Потом нам, несмышлёным, объяснили, что все деревья в немецких лесах пересчитаны, и за каждым из них ведётся досмотр, о чём и свидетельствуют отметины: такому-то дереву три года, такому-то – пять лет, такому-то – десять. Это – на распил, это – лечить, эту сосенку – под рождественскую ёлку. А горшочки на стволах? Для сбора смолы. А мы-то, изверги, крушили их, приговаривая: «Живодёры! Над деревьями издеваетесь!..»

Лес потому ещё – свобода, что подвигает на подвиги (такой вот каламбур): из леса, пусть и ненадолго, можно уйти, чтобы, как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Словом, ощутить ещё большую свободу. Ну и, по возможности, отметить эту самую свободу. Чревато, конечно. Но какой адреналин! Потому так любы нам были выезды в лес, на учения.

Словом, подходим мы с Толей Балацким к стойке бара, привычно распрямив гимнастёрки. Ах, гимнастёрка! Без малого столетие верой и правдой служила она русскому воинству: от генерала до рядового – прочная, удобная и даже по-своему элегантная.

Что она есть такое? Извольте. Та же длиннополая сорочка, только со стоячим воротником. И с нагрудными карманами. Ну и, естественно, с погонами. Как-то задался вопросом: сколько же пуговиц на ней? Оказалось, тринадцать: на вороте, на манжетах, на погонах, на карманах. И каждая – со звёздочкой. Как же после этого было не уважать её, такую звездастую? Рыжезелёная, когда новенькая. А если уже бывалая-перебывалая, прокалённая солнцем и отстёганная дождями и мытая-перемытая, – а драили мы её щёткой, прямо на асфальте, – то и вовсе бежевая. Хэбэшная. В гимнастёрке, туго подпоясанной ремнем (ни складочки!), поневоле выглядишь стройнее. Украшала она в своё время и меня...

А бляхи-то, бляхи! Горят! И – стрелки на штанах. Как наводить их, служивые знают. Оттягиваешь штанину вдоль ноги и несколько раз проводишь по изгибу междузубьем расчёски: вверх – вниз, вверх – вниз. И стрелка готова. Такая вот солдатская смекалка...

– *Гутэн таг!* – здороваемся, при этом успеваем окинуть взглядом зал: наших, в смысле офицеров вроде нет. Встреча с ними была бы весьма нежелательной. Как с теми же «макаронниками», как называли мы сверхсрочников (прапорщики – по-нынешнему), имея в виду их сытую макаронную жизнь. Суть в том, что излюбленным нашим блюдом были макароны по-флотски. Деликатес! Давали нам их редко, в основном по праздникам. Сверхсрочники же, питаясь в офицерской столовой, могли улепётывать их сколько угодно.

В общем, и те, и другие запросто могли сдать нас: ведь нам, срочникам, служащим по призыву строжайше запрещено было посещать питейные заведения. Более того, имелось негласное указание владельцам этих самых заведений при появлении нашего брата тут же сообщать об этом в комендатуру.

– *Т-а-а-г!* – вторит розовощёкий бармен.

Ох уж, эти немцы! До того небрежны в приветствии. Ну почему бы не сказать, как надо: «*Гутэн таг!*», «*Гутэн мор-гэн!*»? Нет же: «*Т-а-а-г!*», «*Мо-о-ргэн!*» Или – «*Видэрзээн*» вместо «*Ауфвидэрзээн*». На звуках что ли экономят? И тут верны своему прагматизму? Это равносильно тому, чтобы мы, здороваясь, говорили: «*Де-е-нь!*», «*У-у-тро!*» Нет же, говорим, как надо: «*Здравствуйте!*», «*Добрый день!*», «*Добрый вечер!*» Ну, друзьям, понятно – «*Привет!*», «*Пока!*»

Вспомнилась история почти анекдотическая. Рассказали мне её «макаронники» – наши, ротные. Как-то в гаштете набрались они до чёртиков. Шумели, наверняка буянили. Законопослушный бармен тут же позвонил в комендатуру. Забрали хлопцев. Отсидели они, всё честь по чести, и снова сюда, в гаштет: «*У-у, морды!*» В ответ – сама любезность: «*Гут моргэн!*», «*Гут моргэн!*..» Умеют, значит, правильно сказать, когда захотят...

– *Вотка?* – бармен вскидывает на нас светло-голубые глаза.

– *Я-а-а*, – киваю я. «*Я-а-а*» у них – наше «да». Ну, язык! И решительно добавляю:

– *Цвай хундэрт!* (Двести.)

Балацкий, нахмурившись, смотрит на меня. Он не знал и не хотел знать немецкого языка по идейным, как говорил, соображениям. В войну погиб его дед, инвалидом вернулся отец. Дом сожгли. Как такое забыть? Конечно, он понимал, что немцы теперь не те, многое узнали и осознали, да и сами натерпелись от своего бесноватого фюрера, тем не менее, глядел на них так, словно хотел убедиться: действительно ли всё поняли и осознали?

Как-то в гаштете... Опять гаштет! Любили мы всё-таки хаживать в это заведение. И не выпить ради. Для этого немало и других случаев и возможностей было. Общения ради хаживали мы в гаштет. Пусть на кое-каком немецком, а с той стороны – на кое-каком русском, но ведь изъяснялись: кто есть кто, откуда, немного о политике. Мы это называли народной дипломатией.

Так вот, в течение, наверное, получаса Балацкий общался с одним пожилым немцем при помощи всего двух фраз: «*Гитлер – сука!*», – восклицал Балацкий, уже изрядно поддавший. «*Сталинград!*», – вторил ему немец, качая хмельной головой. «*Гитлер – сука!*», – снова восклицал Балацкий, ударяя кулаком по столу. «*Сталинград!*», – снова повторял немец и, задрав на спине рубаху, показывал зарубцевавшиеся раны. И ведь понимали друг друга.

Своего «сталинградского» немца, уже совсем «хорошего», он довёл до дому, прислонил, как полагается, к дверному косяку. Тот панически замахал руками: «*Цюрюк! Цюрюк!*» В смысле – назад. За дверью, действительно, послышался женский голос. Балацкий, понятное дело, ноги в руки и – назад, в часть...

Эту историю он нам частенько рассказывал. Мы ухахатывались. Особенно над этим его «*Гитлер – сука!*» Как будто немец и впрямь понимал, что такое по-русски «сука».

Всё ещё нахмурившись, он смотрит на меня, потом переводит взгляд на бармена и для убедительности выбрасывает два пальца. Тот понимающе кивает:

– *Айн момэнт*», – и ставит на картонки-кругляшки две слёзные стопочки.

Как сейчас вижу: берём мы эти стопочки и аккуратнo так, нежнейше, наслаждаясь их прохладой, чокаемся:

– Будем! – и лихо опрокидываем.

Неспешно закуриваем. Свои, махорочные.

– Ну, шо? – спрашивает Балацкий. – Ишо по одной?

Расслабившись, он любил вклинить украинское словечко. И ещё – когда волновался. Тут уж запаса русских слов ему явно не доставало. Родом он был откуда-то из Прикарпатья, то ли из Тернопольской, то ли из Хмельницкой области. Вообще, мы как-то мало интересовались, кто есть откуда: из какого города, посёлка? Это не считалось столь важным. Важно было, что все мы – из Союза...

– Чуть повременим, – говорю Балацкому, – оглядимся, освоимся.

Зал небольшой. Мягкий полумрак, деревянные столы, заставленные пивными кружками, лимонадом – пожилые, молодёжь, дети. Немцы любят отдыхать в гаштете всем семейством.

– А нас, кажется, приглашают, – киваю на столик у окна. – Вон тот камрад в клетчатом пиджаке. Давай ещё по сто – и к нему.

– Давай.

Присаживаемся. Кладём на стол краснозвёздные пилотки:

– *Гудэн абэнд!*

В ответ, естественно, «А-а-бэнд!».

– *Камрад!* – приподнимаю стопку. – *Гэзунд!* На здоровье!

Он никак не отреагировал на мои слова или сделал вид, что не понял, и, отхлебнув пива, продолжал глядеть на нас не то чтобы с интересом, а как-то проникновенно-пытливо, и глаза холодные, что осеннее небо.

– *Капрал?* – задерживает взгляд на моих погонах.

– Сержант, – констатирую я, заведомо зная, что он опять чего-то не поймет.

Он ухмыльнулся:

– *Бундэс рэпублик – гут. Дойче дэмократише рэпублик – шлехт!*

— О чём это он? – наклонился ко мне Балацкий.

— Да так... Западный он немец.

– Оцэ дило! – насупился Балацкий, пухленькое лицо его порозовело, короткий «ёжик» на голове ошетинился.

Да, непростая штука этот камрад. Да какой он к чёрту камрад? Казачок засланный.

— *Бундэс рэпублик*, – обращаюсь к нему, также чеканя слова, – капитализм.

– *О, я-а, я-а!* – воскликнул он и поднял большой палец.

— А ДДР, ГДР, – продолжаю, – социализм, справедливость.

Он слегка поморщился, напрягая слух, потом покрутил пальцем у виска:

– *Найн! Шлехт!*

Похоже, он провоцировал нас. И тут слышим справа и слева свистяще-шипящее:

– *Официрэн! Официрэн!*

Я сидел спиной к двери, Балацкий – вполоборота.

– Что там? – тихо спрашиваю его.

– Патрули. Трое. Офицер и два солдатика.

– Да, влипли. Ладно, что-нибудь придумаем.

Казалось, зал со всеми его *мэнами, фрау, киндэрами* замер. Одни взирали на нас с любопытством: дескать, чем всё закончится? Другие – с сочувствием: мол, такая уж солдатская доля – ущемлённость во всём и вся.

– Где они? – спрашиваю Балацкого.

– У стойки бара. Лимонад пьют.

Немец, уже достаточно раскрасневшийся, расплылся в нехорошей улыбке:

– *Дас ист паник?*

«Да помолчи ты, чёрт рыжий!», – чертыхаюсь про себя и снова к Балацкому:

– Вечно стоять они там не будут. А к нам, пока мы за столиком, не подойдут, сам знаешь.

– Так-то оно так... О-о! Офицэр кудысь подився.

– Может, в галльон? Сваливаем!

Разом вскочили и, схватив пилотки и огибая столики, рванули к выходу мимо солдатиков с патрульными повязками:

– Тихо, ребята! Вы нас не видели.

Те и мяу сказать не успели, как мы уже были на улице и во весь упор неслись в сторону темнеющего невдалеке леса. Лес, он – родной, он спасёт! Вот и заветная тропинка. Мы её ещё днём присмотрели. Летим, не успевая потирать обожжённые хвойными лапами лоб, щёки.

– Передохнём, – сдаётся Балацкий. – Нас воны уже не догоню. Та й не знают, куда мы побиглы.

– Догадаться могут. В лес, где учения. Но мы через двадцать минут будем на месте. А там нас фиг найдёшь.

– Это точно, – согласился Балацкий. – Слухай, а ни-мэць той точно с Запада?

– Сто процентов.

– Шпион?

– Да ладно тебе.

– Впэршэ шпиона бачу. Вин шо, хотив нас завэрбовать?

– Тебя завербуешь! Хорошо, хоть не стал восклицать: «Гитлер – сука!»

В темноте я почувствовал, как он улыбнулся:

– А солдатикам, мабуть, влэтыть за нас.

– Ничего, обойдется. На губу³, по крайней мере, не посадят. А придёт время, сами станут в самоволку бегать. Дело солдатское.

– И то так, – он замедлил шаг.

– Ты чего?

– Водку нэ допылы?

– Ну, Балацкий! Ну, хохол! О водке сожалеет. Скажи спасибо, что ноги унесли. А то были бы нам *цвай хундэрт...*

---

³ Гарнизонная гауптвахта.

Ягода черника

– Завтра вместо физзарядки – сбор черники, – объявил на вечерней поверке старшина. – Котелки получите в каптёрке⁴.

А нам и в радость! Значит, утреннего тррам-тррам – тррам – «Бегом марш!» – не будет. Да и сколько можно долбить сапогами немецкий булыжник? Вернее, немецким булыжником дубасить наши сапоги.

Лично для меня утренний бег в строю – десятки пар кованых сапог, нудно, тупо – был сущей пыткой. Тррам-тррам – тррам! Через распахнутые настежь решётчатые ворота с припаянными к ним красными звёздами. Тррам – тррам-тррам!»! Через дощатый настил железки-одноколейки.

Железка... В пятидесяти метрах от КПП⁵. Ну, не пытка ли? Ведь что такое для солдата рельсы? Дорога домой! Нам же приходилось пересекать их (переходить, перебежать, переезжать) ежедневно с неизменной сладкой болью в груди: придёт, придёт час, и помчит, помчит нас эшелон. А как реагировали дембеля⁶ на мелькнувший на экране поезд? Клуб буквально взрывался: «Едем!»

Тррам-тррам-тррам! Мимо футбольного поля с длинными лавками из брусьев. Тррам-тррам-тррам! Вон до того перекрёстка, что у офицерской столовой. Там – направо и уже до самого предместья Фюрстенберга (маленький такой городишко). Потом резко – налево, в сторону автопарка.

Тррам-тррам-тррам!

И чтобы совсем уж не свихнуться, глядя в затылок впереди бегущего, старался как-то отвлечься, подумать о чём-нибудь приятном. Но о чём? О том, что будет на завтрак? А что тут думать-то: «кирза» (овсянка). О весточке из дома? Дома вроде всё нормально. Ждут! А друзья пишут всё реже. Ясное дело, у них там свои заморочки, которые нам из нашего солдатского далека и не понять. О подружках и говорить не приходится...

А мы и не говорим о них. Зачем? Лишь душу бередить. Само по себе наше неизбежное долгое пребывание здесь, откуда и в отпуск-то не вырваться, раз и навсегда ставило крест и на прошлом, и на каком-либо продолжении его, так что стисни зубы, солдат, и терпи. Это твоя жизнь замерла, остановилась, а её, подружки – летит, бурлит. Уже – первокурсница («Ах, какие преподаватели!», «Ах, как всё интересно!»). Уже (не успела оглянуться) – на втором курсе. Сокурсник провожает её домой, рядышком сидят в читалке...

Тррам-тррам-тррам! – словно молотом по голове.

И какое же благо «Шагом марш!» Не идём, а плывём. Лишь изредка чиркнет о булыжник чья-то неловкая подковка. Но благо это продолжается недолго, до следующего поворота, что у озера. И снова как наказание: «Бегом марш!»

Ну почему, старшина, ты не жалеешь наши сапоги? Сам же говорил, что надо беречь казённое имущество.

Ох, уж этот старшина! Сухой, поджарый, с вытянутым застывшим лицом и с низко, на самые глаза опущенной фуражкой – для того, наверное, чтобы казаться построже. Это его «построже» проявлялось главным образом в казарменном бдении: койки чтобы – одна к одной, полы надраены, исправно (в холодное время) топились печи-голландки. Зимой пихали мы в них брикет – спрессованный бурый уголь («Rekord», как сейчас помню) с утра до вечера.

---

⁴ Склад имущества роты.

⁵ Контрольно-пропускной пункт.

⁶ Военнослужащие последнего года службы, подлежащие демобилизации.

Печи-голландки... Отцы-командиры об этом особенно не распространялись, но мы-то знали, что казармы наши – длинные, приземистые – это бывшие мастерские электротехнической компании Сименс, сотрудничавшей с гитлеровским вермахтом. В них от того Сименса, понятно, ничего не осталось, разве что печи-голландки...

Тррам-тррам-тррам!

Вот и лес. Разбредёмся, кто куда. Лес, как я уже говорил, это – ощущение свободы. Сильное чувство!

И черники наберём. И полопаем её вдоволь. И здоровым воздухом подышим. Красота!

Но уже доносится (неужто час пролетел?) далёкое, как с другого берега:

– Рота, строиться!

Щас! Успеется. Ещё пару ягод. А ягод этих в то лето выдалось не меряно.

Один за другим подтягиваемся в строй, какие-то совсем другие, посветлевшие, посвежившие, хохоча и тыча друг в друга пальцем: у кого губы чернее, тот больше ягод и слопал. Вроде все. Вон ещё Орех.

– Орех, давай скорей!

Орех – прозвище. Фамилия – Орешин. Запыхавшийся, пристраивается рядом со мной:

– Отсыпь чуть-чуть, – показывает полупустой котелок.

– Чё, не набрал?

– Споткнулся о корягу, рассыпал...

– Ну, ты даёшь! Ладно, возьми чуть-чуть. Саш, – толкаю Красненко. – Отсыпь и ты. Надо же выручать Ореха.

Красненко – сибиряк. «Хозяйский глаз и круглое колено», как мы его называли. А повод сам дал. Как-то зашёл разговор о том, что важнее всего в жизни мужчины. Он и изрек эту сакраментальную фразу: хозяйский глаз и круглое колено. Хозяйский глаз – значит, мужик должен быть полновластным хозяином в доме, а круглое колено – послушная жена. Философ... Высоченный, а сапоги носил, смешно сказать: 38-го размера. И как на ногах держался? И шаг у него был короткий, куцый, совсем не строевой. Да и не любил он строевую подготовку. Впрочем, кто её любил? И ещё постоянно хмурился. Вот и сейчас насупился:

– Ему бы только орехи и собирать, – но ягод отсыпал.

– Рота, смирно! – командует старшина.

В лесу? Смирно? Чудной ты, старшина!

История его угадывалась безошибочно. Отслужил срочную, вернулся домой, в колхоз. Огляделся. Снова коровам хвосты крутить? Нет уж, и заспешил в военкомат: хочу на сверхсрочную. Знал ведь, работа не пыльная. Обувка, одёжка, питание, деньги, какие и не снились колхозникам, ежегодный 45-суточный (без дороги) отпуск. Словом, всё, как у офицеров, ладно, что образования всего-то семь классов. А тут ещё и повезло: шёл набор в Германию. А Германия – это двойной тариф: дойчмарки и – на сберкнижку – рубли. И возможность прибарахлиться, что в условиях тотального товарного дефицита в СССР считалось сверх удачей. Так он оказался в полку связи. В радио, правда, ничего не смыслил. Да этого от него, начальника казармы, и не требовалось...

– Напра-во! Шагом марш!

Щас последует: «Запевай!» И запоём. Настроение у нас что надо: «Жил да был чёрный кот за углом...»

Знали, старшина не любил эту песню, считал её несерьёзной, не строевой. Но мы же, опять-таки, не на плацу. Мы – в лесу. А в лесу можно и расслабиться, и спеть, чего душа пожелает. Про того же чёрного кота. Кстати, песенка самая, что ни на есть строевая. Под неё и шагалось легче, и настроение поднималось, словно дома побывали...

А компот из черники получился на славу. Нам его несколько дней подавали, потом сказали:

– Хватит!

– Черника, что ли, закончилась? – недоумевали мы. – Так мы её снова наберём.

– Отставить! – отрезал старшина, стрельнув глазами из-под лакированного козырька. – Черникой будете зимой баловаться.

Словом, потянулись обычные армейские будни с их подъёмами и отбоями, дежурствами и караулами (охраной объектов части), долбанием морзянки⁷ и неизменным утренним тррам-тррам-тррам.

А тут как-то после подъёма объявляют:

– Всем собраться в ленкомнате⁸.

Мы переглянулись: с чего бы это? Срочное объявление, политинформация? Такое бывало.

Усаживаемся за столы с аккуратно разложенными на них подшивками газет, журналов: «Советская армия», «Советский воин», «Красная звезда», «комсомолка»... – в окружении плакатов и стендов о Вооруженных силах, о боевом пути полка, ленинских цитат и выдержек из решений партсъездов...

Напротив, за столом – ротный (командир роты), начмед в белом халате поверх френча.

– Ну вот, – совсем не по-военному начал начмед.

Он недавно в нашей части, прибыл по замене. Почему-то мы его недолюбливали. Наверное, потому, что прибыл он с молоденькой медсестрой: красивая – спасу нет. Короткий белый халатик...

– Так вот, – продолжал начмед. – Вы собирали в лесу чернику, две недели тому назад, и ваш Орешин... Орешин, встаньте!

Орешин поднялся, бледный, потерянный.

– ... подцепил триппер.

По рядам брызнул смех.

– Ничего смешного, – как можно строже сказал начмед. – В тот день кто-нибудь из вас видел немку на велосипеде?

– Не-е, – загудели мы.

– А немка-то оказалась заразной, – нагнетал он. – Её специально к вам подослали.

– Да не видели мы её!

– На хрен она нам нужна!

– Вот именно на хрен, – ухмыльнулся ротный. Он вообще любил подшучивать, при случае мог смачную присказку вкрутить, анекдот травануть. Такой он был, наш ротный капитан Кашин. Может, в фамилии и заключалась разгадка лёгкости его характера. Мы, действительно, редко видели его раздражённым. Да это и не шло ему, что он и сам наверняка знал, потому как в крике мягкий его баритон срывался на такой дискант, что ему, наверное, становилось неловко за себя. А нам – за него...

– Что ж, – протянул начмед и стал натягивать резиновые перчатки. – Тогда по одному ко мне.

– Насилие над личностью! Протестуем! – зароптали мы, не переставая ржать.

– Ладно, мужики! – выходя из-за стола, сказал ротный, продолжая ухмыляться. – Надо – значит надо.

Расстегнули ширинки (в ленинской-то комнате!) и двинулись к начмеду. Дело обычное. Уж сколько раз приходилось спускать трусы, кальсоны перед разными начмедами – в военко-

---

⁷ Азбука Морзе.

⁸ Помещение в казарме для проведения собраний, политзанятий – своего рода просветительски-идеологический центр роты.

мате, на сборных и пересыльных пунктах. Армия – штука суровая, мужская, и твои мужские достоинства в такой же мере принадлежат ей, как и ты сам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.